

Понятно, какое отчаяние овладевало настоящими «патриотами», т. е. революционерами: оно вылилось у Марата в следующих строках:

«Вот уже три года, как мы волнуемся, чтобы добиться свободы и тем не менее мы стоим теперь дальше от нее, чем когда бы то ни было.

Революция обратилась против народа. Для двора и его приспешников она является вечным поводом для заискивания и подкупов; для законодателей она открыла поприще их вероломству и лицемерию... Для богатых и скопидомов она уже теперь не что иное, как путь к незаконному обогащению, к спекуляциям, к мошенничеству, к хищениям. Народ же разорен, и бесчисленный класс бедняков должен выбирать между опасностью погибнуть от нищеты и необходимостью продавать себя... Скажем без боязни еще раз, что теперь мы дальше от свободы, чем когда бы то ни было, потому что мы - не *только рабы, но мы - рабы по закону*».

На государственной сцене, пишет Марат, переменялись только Декорации. Остались те же действующие лица, те же интриги, те же тайные двигатели. «Неизбежно так должно было случиться, - продолжает он, - *раз низшие классы нации одни борются против высокопоставленных лиц*. В момент восстания народ, правда, подавляет все своей массой; но каковы бы ни были его завоевания, в конце концов его побеждают заговорщики из высших классов, коварные, пронырливые, изощрившиеся во всевозможных хитросплетениях. Образованные люди из высших классов, обеспеченные и умелые интриганы сначала выступили против деспота; но только для того, чтобы, завладев доверием народа и воспользовавшись его силами, стать самим на место устранившихся ими привилегированных сословий и обратиться затем против этого самого народа».

«Итак, - продолжает Марат, и это золотые слова, потому что они написаны точно сейчас, в XX в., - революция сделана была и поддерживается лишь самыми низшими классами общества: рабочими, ремесленниками, мелкими торговцами, земледельцами, т. е. плебеями, - теми несчастными, которых бесстыдное богатство называет *чернью*, а римское высокомерие называло *пролетариями*. Но чего никак нельзя было ожидать - это то, что революция окажется сделанной исключительно для выгоды мелких земельных собственников и законников, клязников».

На другой день после взятия Бастилии представителям народа нетрудно было «лишить деспота и его агентов всех их должностей, - пишет дальше Марат. - Но для этого народные представители должны были бы обладать дальновидностью и добродетелью». Что же касается до народа, то вместо того, чтобы всем немедленно вооружиться, он допустил, чтобы вооруженной оказалась только часть граждан (национальная гвардия, состоявшая из «активных граждан»). *И вместо того, чтобы немедленно напасть на врагов революции*, он сам лишил себя своего выгодного положения, оставаясь только в оборонительном положении.

«В настоящую минуту, - говорит Марат, - после трех лет бесконечных речей в патриотических обществах и целого вороха всевозможных писаний... народ стоит дальше от понимания того, что ему делать для сопротивления своим угнетателям, чем в первый день революции. Тогда он следовал своему инстинкту, своему непосредственному здравому смыслу, и здравый смысл подсказывал ему, где искать средства для укрощения его врагов... Теперь же он скован по закону, терпит угнетение во имя закона; теперь он - *раб на основании конституции*».

Можно было бы подумать, что это писано вчера, если бы оно не было взято из № 567 «Друга народа».

Глубокое отчаяние охватывало Марата при виде такого положения дел, и он видел только один исход - «ожесточенный взрыв гражданских чувств» со стороны народа, как было 13 и 14 июля, 5 и 6 октября 1789 г. И он продолжал видеть все в мрачном свете, пока в Париж не пришли волонтеры (*federes*) из провинции, которые вдохновили его надеждой.

Шансы контрреволюции были в этот момент (в конце июля 1792 г.) так велики, что Людовик XVI наотрез отказался от упомянутого предложения жирондистов взять их вожakov себе в министры. Пруссак уже шли на Париж; Лафайет и Люкнер стояли, готовые направить каждую свою армию против якобинцев, против Парижа; причем Лафайет пользовался большим влиянием на севере, а в самом Париже был божком буржуазной национальной гвардии.

И в самом деле король имел полное основание надеяться. Якобинцы, пользовавшиеся влиянием среди парижских революционеров, не *решились действовать*; а когда 18 июля стала известна измена Лафайета и Люкнера (16 числа они хотели похитить короля и поставить его во главе своих войск) и Марат предложил объявить короля заложником нации против иностранного нашествия, все отвернулись от него и называли его безумцем. Одни санкюлоты в своих трущобах сочувствовали ему. Только